

Свѣтлой памяти Отца Іоанна Кронштадтскаго ¹⁾.

„Тогда сказалъ Іисусъ: не десять-ли очистилось, гдѣ же девять. Какъ не возвратились они воздать славу Богу кромѣ сего имплеменика“ (Луки 17 17-19).

Въ наше печальное время всѣ понятія-перепутались, трудно становится разобрать, гдѣ бѣлое, а гдѣ черное, гдѣ высокое, гдѣ низменное. Бредъ сѣумаспешаго выдають за мысли здравомыслящія, и мѣръ, кажется, при своемъ концѣ сходится со своимъ началомъ, вступая въ тотъ же хаосъ, который существовалъ при его созиданіи. Число несчастныхъ, страдающихъ, растетъ не по днямъ, а по часамъ, и не только въ смыслѣ нужды голодной или холодной, такіе никогда не переводились, но и при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ въ общепринятомъ понятіи о счастіи. Всѣ наиболѣе утопченныя изобрѣтенія культуры, прогресса, всякаго удобства внѣшней жизни не помогаютъ. Внутренній человѣкъ все болѣе бѣднѣетъ и слабѣетъ...

Религія утратила свой вѣковѣчный, высокій смыслъ; всѣми путями ее вытравили изъ души человѣческой; въ ея цѣлебную, могущественную силу больше не вѣрятъ современные христіане, по ошибкѣ себя за таковыхъ выдающіе, часто стыдятся себя осѣнить крестнымъ знаменіемъ, боясь прослыть за людей некультурныхъ, отрекаясь такимъ образомъ отъ единственнаго спасительнаго орудія—Креста; поучаясь мудрости житейской не въ Церкви,—а въ театрѣ, не въ Евангеліи, а въ писаніяхъ нашихъ горе-мыслителей, прославленныхъ не умѣніемъ мудро жить, а только красиво говорить; забираются въ безпросвѣтный тупикъ жизни, изъ ко-

¹⁾ Въ 1893 г. Протоіерей Іоаннъ Ильичъ *Сергіевъ* былъ избранъ почетнымъ членомъ Моск. Дух. Акад. Это обстоятельство даетъ нывѣ основаніе помянуть присвоиматаго о. Іоанна среди дѣятелей, причастныхъ Моск. Дух. Акад. *Ред.*

тораго только и есть у нихъ одинъ выходъ—насильственная смерть. А между тѣмъ, въ дѣйствительности, нѣтъ такой путаницы въ жизни, изъ которой нельзя было бы выйти вполне очищеннымъ, и нѣтъ такого грѣшника и преступника, который бы не могъ себѣ вернуть уваженія и довѣрія людей. Но путь ихъ лежитъ черезъ Религiю, только одна она и выводитъ запутавшуюся душу изъ самыхъ сложныхъ, преступныхъ паденiй, лишь бы душа эта не угасила въ себѣ вѣры и упованiя, лишь бы среди наслонившейся грязи и нечистоты мерцалъ, еще вспыхивая, хотя бы и послѣдними уже вспышками, тотъ Огонь души, который Христосъ, по Его собственнымъ словамъ, пришелъ возжечь. Встрѣчаются люди по виду безупречные, цѣломудренные, гуманные, отвѣчающiе требованiямъ самой строгой морали, но опытный духовно глазъ видитъ, что у этихъ людей, безупречныхъ съ вѣшной стороны, внутри давно уже все безнадежно мертво; вулканъ души ихъ потухъ и постепенными разрушенiями, или внезапнымъ стихийнымъ бѣдствiемъ, человѣкъ этотъ выбрасывается за бортъ жизни, тогда какъ на ряду съ подобнымъ случаемъ послѣднiй изъ послѣднихъ нравственныхъ отбросовъ возрождается къ новой жизни, являя иногда обликъ высокой нравственной красоты. Такiе примѣры служатъ камнемъ преткновенiя для многихъ, камнемъ соблазна. Тайна единенiя души человѣческой съ Богомъ не открыта ихъ опыту; ихъ возмущаетъ, что идеальнiй человѣкъ погибаетъ, а негодяй продолжаетъ жить; они не вѣдаютъ разницы въ судѣ человѣческомъ и Божескомъ. Внутренняго человѣка видитъ и цѣнитъ только Око Божiе и только Одно Оно и можетъ правильно и безошибочно опредѣлить достоинство, качество и жизнеспособность души. Бываетъ необходимо иногда и „безгрѣшнаго“ остановить въ его пути и грѣшнику предоставить себя сквернить до времени, Одному Богу вѣдомаго; ибо Ему всѣ души одинаково дороги, — лицеприятiя Онъ не вѣдаетъ. На спасенiе всякой души пошлетъ Господь Свою помощь и возстановитъ она въ себѣ Тотъ свѣтлый Образъ и Подобие, по которому она создана и Который въ себѣ ежечасно сквернима, не вѣдая что творить—лишь-бы не потухла въ пей искра священнаго пламени,—этого исключительнаго дара Неба — человѣку. Обратный путь грѣшниковъ тяжелъ. Своихъ плѣшниковъ князь Мiра сего дешево

не отпускаетъ; дорогой выкупъ требуетъ онъ съ тѣхъ, кто пожелаетъ освободить себя отъ его ига. Безъ Божьей помощи нечего и думать совершить этотъ обратный путь. Горе тому, кто на свои силы понадѣется и не призоветъ своевременно Бога; онъ падетъ въ еще худшее и уже безвозвратное рабство.

Безъ Бога въ сердцѣ человѣкъ жить не можетъ; онъ можетъ лишь временно прозябать на землѣ. Богъ—солнце души. И какъ тѣло, удаленное отъ вліянія солнечныхъ лучей, увядаетъ, теряетъ гибкость, красоту и даже гноится, такъ и душа—вдали отъ Бога, духовнаго своего солнца, гибнетъ. Физическій законъ мы знаемъ, насъ научили понимать, что на землѣ безъ солнца жизнь должна прекратиться, законами же духа, мало кто интересуется, а то знали бы, что съ утратой духовнаго солнца человѣкъ или умираетъ или приобретаетъ звѣриный образъ.

Современная эпидемія самоубійства, самоистребленія, чудовищныхъ преступленій какъ нельзя болѣе свидѣтельствуется о томъ, что Невещественное наше Солнце скрываетъ отъ насъ Свои лучи, и что Міръ погружается во мракъ.

Лично моя жизнь была одною изъ тѣхъ, которымъ люди завидуютъ. Высокое общественное положеніе, большія средства, почетъ, уваженіе, вѣчные праздники и удовольствія—все, казалось бы, способствовало тому, чтобы назвать себя счастливой, а между тѣмъ червь неудовлетворенности и безысходной тоски разѣдалъ мою душу. Съ ранняго дѣтства, оставшись круглой сиротой, я познала цѣлу всей этой свѣтской мишурѣ, а также дружбѣ людей, ихъ любви; я слишкомъ рано во всѣхъ и во всемъ извѣрилась. Я знала, что до меня лично и до внутренняго моего Міра, какъ бы не былъ богатъ онъ содержаніемъ, — никому въ сущности дѣла нѣтъ, что пока я молода, интересна, пужпа, къ моимъ слабостямъ будутъ спускаться, выгоды ради имъ стапуть даже потакать, но какъ только я потеряла общественное значеніе или личный интересъ, врядъ ли кто изъ вчерашнихъ друзей останется на высотѣ своихъ увѣреній и обѣщаній. Зная цѣлу чувствамъ людей, я глубоко ихъ презирала, а не умѣя любить и прощать, почувствовала себя вкорѣ безнадежно одинокой, среди толпы—какъ бы въ пустынѣ. Бездна лицъ, лицемѣрія, лести, эгоизма въ людскихъ

отношеніяхъ вытравили изъ сердца моего радость, свѣтъ, и вскорѣ я утратила способность искать счастья, добра и въ концѣ - концовъ даже желать его. Чтобы заглушить свою тоску среди праздника жизни, я кидалась на все. Музыка, искусство, наука, литература, путешествіе—все было испробовано, ко всему быстро охладѣвая, угадывала внутреннимъ чутьемъ, что все это лишь украшеніе жизни, суррогатъ счастья, но гдѣ же смыслъ, сущность, цѣль? Отвѣта не находила, тоска все злѣе терзала сердце, а тучи надъ головою сгущались. Я начала метаться въ поискахъ выхода, и вскорѣ послѣднее, единственно святое, дорогое — дѣти утратили значеніе и интересъ. Изъ всѣхъ призраковъ—то былъ наиболѣе зловѣщій. Доктора опредѣлили черную меланхолю, а профессоръ психіатръ Корсаковъ рѣшительно предсказалъ параличъ или нервное помѣшательство. Тогда я вспомнила о Богѣ. Къ большому моему счастью мать моя была глубоко вѣрующей женщиной, и обрывки ея наставленій, ея примѣра мелькали иногда въ воспоминаніяхъ моихъ, и хотя всѣ послѣдующія впечатлѣнія, полученныя отъ учебнаго заведенія и личной жизни, носили характеръ чего-то только формальнаго и казеннаго,—посѣянное сѣмя не заглохло. Много слышать приходится нападокъ на форму, говорятъ о ея вредѣ, неосмысленности. Это ошибочно. Въ любую минуту она можетъ заполниться, одухотворится, но утратившій я форму—теряетъ уже все.

Такъ было и со мною. Я сохранила форму преемственно съ дѣтскихъ лѣтъ, но за отсутствіемъ въ ней содержимаго,—она не питала моего духа и не согревала. Около пяти лѣтъ я не причащалась Св. Таинъ, соблазняясь несовершенствомъ и недостатками нашего духовенства; много вредила мнѣ и литература Толстого, которымъ одно время увлекалась. Не будучи духовно образована, духовно развитой, я не умѣла отдѣлять форму отъ сущности, я не постигала силы и могущества Таинства *въ самомъ себѣ*, я не могла тогда понять, что недостойный священникъ вредитъ лишь самому себѣ, что люди, въ простотѣ сердца ищущіе его благословенія, идущіе къ нему на исповѣдь, получаютъ по вѣрѣ своей непосредственно все отъ Самого Бога черезъ таинство священства, врученное пастырямъ. Духовное благополучіе этихъ вѣрующіхъ не зависитъ отъ недостатковъ лицъ, не умѣющихъ

носить и уважать своего священнаго сана. Чего бы стоила религія, могла ли бы она существовать на протяженіи вѣковъ. если бы ея таинственная сила и могущество были въ зависти отъ совершенства или несовершенства приставленныхъ къ ней слугъ. Имъ дана власть быть лишь свидѣтелями, проводниками, или охранителями этой величайшей святыни, вѣдать ея формальной, чисто вѣщной, неизбежно необходимой, стороною; но самая сила ея таинственная, всегда живая, отъ глазъ людскихъ скрытая, открывается людямъ, лишь по мѣрѣ ихъ духовнаго роста, духовно-умственнаго развитія; нельзя вѣдь постичь высшей математики безъ должной подготовки, такъ нельзя постичь и Религіи и ея Силы безъ внимательнаго ея изученія и усвоенія.

Печально бываетъ наблюдать, что люди, носящіе духовную одежду, не умѣютъ уберечь ея чистоты, эксплуатируютъ, профанируютъ ее—тѣмъ хуже для нихъ; не менѣе печально видѣть и въ другихъ земныхъ учрежденіяхъ небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ судей, докторовъ, адвокатовъ; а если принять во вниманіе степень интеллигентности, высокое образованіе послѣднихъ и зачастую крайнее убожество первыхъ, то будетъ ли справедливымъ предъявленное къ нимъ требованіе всегда стоять па высогѣ, и твердой рукой держать свое могущественное „знамя“. Отчего, видя измѣну идеямъ правды, добра, гуманности въ правосудіи, медицинѣ, адвокатурѣ, продолжаютъ вѣрять и идеямъ этимъ, и носителямъ, и представителямъ этихъ идей, отчего же, видя немощныхъ монаховъ, священниковъ, перестаютъ вѣрять идеѣ религіи и Богу. Гдѣ логика? гдѣ послѣдовательность?

Несовершенство духовенства, столь критикуемая внѣшняя обрядовая сторона религіи, служатъ лишь придиркою, самооправданіемъ, внутренней ложью нападающихъ. Религія, Богъ, духовная жизнь требуетъ подвиговъ самообузданія, борьбы съ собой;—вотъ что не правится, что тяжело и ненавистно намъ; мы жаждемъ свободы для своихъ прихотей и страстей, мы ненавидимъ все, что такъ или иначе напоминаетъ намъ объ отвѣтѣ, что вызываетъ въ памяти страшный призракъ суда Божія надъ нами, такъ называемыми христіанами. Не по плечу намъ, малымъ и ничтожнымъ, это высокое „званіе“, мы умышленно грязнимъ его, позоримъ, и думаемъ, что заплыввая его, уничтожая, сокрушимъ Его ве-

личіе и могущество. Но этого намъ не удастся, даже если мы самихъ себя въ звѣрей обратимъ, по призыву апостоловъ новой формаціи;—все это не помѣшаетъ Богу создать новыхъ людей, обновить старую, износившуюся въ грѣхахъ и преступленіяхъ людскихъ—землю. Мой личный опытъ умудрилъ меня и открылъ внутреннему взору спасительные горизонты.

Такъ вотъ, вспомнивъ о религіи, я рѣшила принять Св. Тайны и началось тогда мое внутреннее мученіе въ выборѣ духовника.

Всѣ казались мнѣ недостойными этого моего довѣрія. Въ своемъ самомнѣніи и гордости, я, хотя и не считала себя праведницей, но все же была увѣрена, что на мой призывъ Господь долженъ будетъ послать Своего свѣтлѣйшаго Ангела, который бережно и пѣжно станетъ утѣшать мою скорбящую душу. Но въ Своей правдѣ — Господь разсудилъ иначе и послалъ мнѣ духовника вполне мной заслуженнаго.

Случайно ли, или чудесно, однажды, когда я даже въ молитвѣ просила Бога указать мнѣ достойнаго священника, я увидѣла во снѣ духовника своей матери, о которомъ никогда не вспоминала.

Воскресли картины забытаго дѣтства и памяти моей предстала высокая фигура молодого, серьезнаго священника съ красивымъ лицомъ, капитановыми кудрями по плечамъ; какой-то очень большой храмъ и я маленькая, семилѣтняя дѣвочка у первой исповѣди и причастія болѣе или менѣе сознательнаго. Очень страшно было, особенно когда строгій священникъ не позволилъ даже сидѣть въ церкви: „кающіеся грѣшники на колѣнахъ должны стоять, а не сидѣть“,—выслалъ онъ мнѣ сказать изъ алтаря. Все это вспомнила я, кромѣ имени и фамиліи.

Заволновалась страшно, цонимая что сонъ этотъ былъ вѣщимъ. Въ старыхъ молитвенникахъ и книгахъ матери нашла я наконецъ и имя завѣтное.

Въ тотъ же день телеграммой снеслась съ дружески знакомымъ мнѣ губернаторомъ города Т., гдѣ протекло мое, почти забытое, дѣтство; узнала, что интересующій меня священникъ живъ и въ ту же ночь мчалась по направлепію къ Т., окрыленная какой-то внутренней надеждой. Не отдыхая, отправилась отыскивать, чудомъ воскресшаго въ памяти, человѣка и нашла его въ стѣнахъ гимназіи, гдѣ онъ законо-

учительствовалъ. Вышелъ ко мнѣ высокаго роста, очень худой священникъ, съ слѣдами бывшей красоты, но теперь уже сѣдой старикъ. Мое появленіе его разволновало.

„Дочь Надежды Θεодоровны,—очень помню, чѣмъ могу служить вамъ?“—„Да вотъ хочу у васъ поговѣть, исповѣдаться“.

„Пожалуйте ко мнѣ на домъ въ 5 час. Теперь я запятъ“,—сказалъ онъ прощаясь. Въ указанное время я звонила у параднаго входа, и дверь мнѣ открылъ самъ Батюшка; въ рукахъ у него была карточка моей матери, и онъ, вводя меня въ свой кабинетъ и указывая на эту карточку, сказалъ: „Богъ, мать ваша и я—мы васъ слушаемъ!“ Боже мой! что сдѣлалось со мной. Отъ охватившаго меня волненія я утратила способность видѣть, наблюдать, соображать; какъ спощь подкопленный упала я къ ногамъ его, положила голову на колѣна его, выплакала и высказала всю душу свою.

То была исповѣдь всей жизни моей; какъ на ладони представилась она мнѣ, жалкая, одинокая, какая-то темная; все, что обмануло меня, чему измѣнила я,—все это представилось открывшемуся внутреннему взору моему въ новомъ освѣщеніи, въ новой оцѣнкѣ; помню, съ какой горячей искренностью обнажала я всю свою изболѣвшую, изстрадавшую душу предъ темнымъ ликомъ Христа, глядѣвшаго на меня изъ угла... и ничего, въ сущности, кромѣ этого взора, я не видѣла; когда я окончила свою исповѣдь и обернулась въ сторону священника, сидѣвшаго въ креслѣ спиной къ свѣту, то увидѣла его спящимъ съ страшнымъ краснымъ лицомъ и вся поза его изобличала совершенно пьянаго человѣка... Меня онъ не слушалъ, да и ему ли я открывала душу свою. Онъ былъ свидѣтелемъ, измѣнившимъ долгу своему, клятвою своей, недостойнымъ слугою невидимаго Господа,—я же исповѣдывалась Богу и слушала меня Богъ! Если бы тогда я имѣла свой теперешній опытъ и знаніе, я бы не смутилась представшимъ моему взору зрѣлищемъ, я бы вѣроятно съ колѣнъ встала здоровой, оправданной; но тогда... я запаталась на ногахъ, и не понимаю, какъ не сошла съ ума отъ столь неожиданнаго, такъ безгранично меня потрясшаго впечатлѣнія. Да полно! и въ правду существуетъ ли Богъ. а если существуетъ, то, вѣроятно, подобно людямъ, издѣвается надъ довѣрившейся Ему душой... Да! Онъ суще-

ствуешь! только сила благодати Его, неисповѣдимый Его Промыселъ и охранилъ эту Ему Одному дорогую душу, а если бы не такъ, то земная мудрость профессора Корсакова должна была бы восторжествовать.

Болѣе удобный случай для помѣшательства врядъ ли и могъ еще представиться... впечатлительная, измученная жизнью, обезсиленная страшной болѣзью душа,—могла ли бы безъ Божьей помощи выдержать такое ошеломляющее впечатлѣніе. Гдѣ логика, смыслъ, могла ли и рѣчь зайти, казалось, о Промыслѣ и Премудрости Божіей: такъ долженъ былъ путаться среди неразрѣшимыхъ догадокъ гордый и вмѣстѣ такой бессильный человѣческій умъ, а между тѣмъ и смыслъ глубокой, логика и значеніе той минуты уяснились впоследствии; теперь же она была роковая.

Отъ рѣзкаго моего движенія очнулся батюшка и заплетаящимся языкомъ велѣлъ пріѣхать исповѣдаться (?) въ 5 час. утра въ церковь, къ ранней обѣднѣ.

Не знаю я, какъ одолѣла мой внутренній хаосъ благодать Божія, но къ 5 утра я уже была въ церкви. Хотѣла ли я видѣть и знать чѣмъ все это кончится, а можетъ быть и просто отъ полученной встряски у меня утратилась способность соображать—не знаю. Войдя въ церковь, увидѣла я своего духовника, едва державшимся на ногахъ, сторожа его поддерживали, онъ видимо былъ въ полномъ изнеможеніи. „Сердечныя припадки у меня, я умираю“, сказалъ онъ, здороваясь со мной. Обѣдню служилъ другой, наемный священникъ, у котораго я и причащалась, а по окончаніи службы, помчалась навѣстить больного батюшку. Жена его сказала, что доктора опасаются за его жизнь и что это его встрѣча со мной такъ разволновала, и что врядъ ли даже онъ выживетъ. Душа моя до того изнемогла отъ переживаемыхъ ощущеній, что я перестала понимать совершающееся. Можетъ онъ и пьянъ не былъ, это я его оклеветала, больного отъ пьянаго не умѣла отличить, проносилось безсвязными отрывками въ моихъ мысляхъ; виной всему моя подозрительность, мое недовѣріе, мое злое къ людямъ отношеніе.

Съ этой новой мукой въ сердцѣ вернулась я въ Москву, поручивъ надежному доброму другу разузнать всю подгоготную о батюшкѣ и мнѣ сообщить. Письмо не замедлило:

„Трудно найти священника хуже, писалъ мой знакомый, не стоило по бѣлу свѣту разыскивать такого, вѣрно и въ Москвѣ бы нашли. Никогда трезвъ не бываетъ, а пьяный творить всякія непотребства“.

Мысль, что я сама-то не стоила лучшаго священника, мнѣ тогда въ голову не приходила; къ себѣ была я снисходительна, а къ нему требовательна, себѣ я прощала свою грѣховную нечистоту, а отъ него требовала кристальной чистоты. Впослѣдствіи обнаружилось, что его ужасная душевная нечистоплотность не мѣшала прихожанамъ любить въ немъ добраго, хорошаго человѣка, не мѣшала и ему всѣхъ любить, много добра дѣлать,—тогда какъ я, сохраняя внѣшній видъ опрятнымъ и изящнымъ, скрывая въ ключья изодранные покровы души своей, опустошивъ эту душу, расточивъ всѣ ея сокровища и богатства, не простила батюшкѣ слабому его болѣзни, оклеветала Бога въ жестокости и немилосердіи и посылала Небу хулу и ропоть.

Послѣ этого случая здоровье мое пошло совсѣмъ на убыль. Доктора послали за границу, оттуда отправили обратно, находя положеніе—безнадежнымъ.

Становилось очевиднымъ, что медицинская помощь оказывалась несостоятельной. Учебные интересы дѣтей потребовали моего переѣзда въ Петроградъ, и здѣсь уже моя болѣзнь приняла колоссальные размѣры. Еще молодая по возрасту, я совсѣмъ состарѣлась, посѣдѣла и становилось ясно всѣмъ, что катастрофа надвигается. Страданія моей души возросли до апогея. Я не могла сидѣть дома, мнѣ казалось, что потолокъ долженъ рухнуть и меня задавить, я бросалась на улицу и тамъ пугалась чего-то на меня надвигавшагося. Я видѣла вокругъ себя какъ бы вздымавшіяся волны, среди которыхъ бѣдственно погибали мои дѣти, а къ 7 час. вечера я теряла способность двигаться, меня охватывала неудержимая мучительная дрожь, и я вполне ясно сознавала, что на меня надвигается извнѣ какая-то сила, которая неминуемо меня уничтожитъ и раздавить и что мое внутреннее безсилье не можетъ этому противостать. Люди духовнаго опыта знаютъ, что такая болѣзнь не что иное, какъ „одержаніе“ или прираженіе злой силы, побѣдить которую можетъ только Господь. Въ это время кто-то изъ близкихъ посоветовалъ обратиться къ Отцу Іоанну Кронштадтскому, извѣстному

своей молитвенной силой. Много чудеснаго о немъ разсказывали, и мнѣ указаны были близкіе ему два лица, могущіе, по моей просьбѣ, его привести. Обѣ эти личности, повидавъ меня, въ послѣдствіи сознались, что не рѣшались даже привести ко мнѣ Батюшку, боялись съ моей стороны какихъ-либо безумныхъ выходокъ.

Объ Отцѣ Іоаннѣ давно я знала; въ моей семьѣ даже заочная его молитва подняла съ постели къ смерти приговореннаго ребенка, страдавшаго безнадежной формой дифтерита. „Если врачи безсильны, сказала я въ порывѣ безысходнаго горя, то силенъ Богъ помочь, и Онъ мнѣ вернетъ мое дитя“. Была послана срочная телеграмма о Іоанну съ слезной мольбой о спасеніи и ребенокъ былъ спасенъ вопреки приговору врачей. Воспоминаніе объ этомъ случаѣ и благодарность къ лично мнѣ незнакому молитвеннику не угасла въ моемъ сердцѣ и я остатокъ вѣры и упованія вложила въ возможность и для себя отъ него получить облегченіе. „Если откажется Батюшка прійхать, значить проклята я Богомъ,— больше спасенія нѣтъ и я должна тогда уже насильственно прервать свое мучительное существованіе“. Огошь вѣры и надежды все еще не потухала. Два раза тщетно мы прождали въ назначенные дни Батюшку, онъ не прійхалъ;—насталъ третій, въ моемъ внутреннемъ рѣшеніи,—*послѣдній*. Если не прійдетъ—ждать нечего, все кончено! За полчаса до назначеннаго срока явилась сконфуженная І. О. и объявила, что неожиданно вызвали Батюшку къ очень высокопоставленному лицу и что, кромѣ того, спѣшно ему вернуться надо въ Кронштадтъ. Прочла ли она нѣчто очень зловѣщее въ лицѣ моемъ, но только стремительно обнявъ меня, она стала увѣрять, что слѣдующій разъ ужъ непременно Батюшка заѣдетъ.

„Будетъ уже поздно“, отвѣтила я, но мои слова были прерваны звонкомъ изъ швейцарской и возгласомъ швейцара:

— Отецъ Іоаннъ Кронштадскій....

Помню, что кубаремъ слетѣла я съ лѣстницы и упавъ къ ногамъ входившаго въ прихожую Батюшки, кричала задыхаясь:

„Не стою, я не стою, чтобы вы перешагнули порогъ жилища моего“.

„За такое смиреніе и вѣру—все хорошо будетъ“, раздался его звонкій, свѣтлый, ласковый голосъ.

Потеряла ли я затѣмъ сознаніе или притушилось оно во мнѣ, но дальше я уже себя помню лежащей около молящагося предѣ образамъ на колѣнахъ Батюшки, ни словъ его, ни молитвы—ничего не помню, кромѣ впутренняго своего вопля къ Богу:

„Спаси, спаси, вѣдь я же, все-таки, созданіе Твое“.

Съ колѣнъ я поднялась совершенно здоровой; и вполнѣ ясно ощутила, какъ что-то вошло въ меня благодатное, свѣтлое, свѣтлое...

„Въ пятницу 26-го—вы у меня причаститесь въ Леушинскомъ Подворьѣ въ день Іоанна Богослова—Апостола любви и вѣры“, сказаѣ, прощаясь, со мной, Батюшка. Приготовьтесь. А это случилось 21-го сентября 1899 г.

О вѣчно памятный, счастливый день!

Возвращаясь иногда къ прошедшей своей жизни, перебирая въ памяти своей отжитое, только этотъ одинъ и свѣтитъ, его бы только и хотѣла вернуть.

На другой день проснулась я обновленной и возрожденной—сама на себя дивясь. Я-ли это? Ни страха, ни тоски, ни смятенія, ни страданія—все исчезло, при свѣтѣ *одного только луча* Божьяго милосердія къ грѣшнику. Я стала радостно готовиться къ великому дню. Наканунѣ 26-го, по приказанію Батюшки, я пошла на исповѣдь къ его племяннику о. Іоанпу Орнатскому. Если моя исповѣдь въ городѣ Т. была огромнаго значенія какъ подведенный итогъ жизни, какъ оцѣнка самой себя, то эта вторая исповѣдь совершенно отдѣлила прошедшее отъ будущаго, вырыла непроходимую между ними пропасть. Я себя безпощадно осудила, обнажила всѣ язвы своей души, отреклась отъ себя и предала себя промыслу Божію, Его спасительному обо мнѣ попеченію. Я Ему волю свою вручила! Господи! вотъ я какая, смотри на меня, хуже и найти нельзя, но въ Твоей власти меня очистить, возродить, сдѣлать изъ грязной и черной—свѣтлую и прозрачную.

Я повѣрила Богу, а Онъ никого не обманеть!

Тяжелъ путь возрожденія; прошедшіе его знаютъ, что весь онъ залитъ слезами покаянія, кровью сердечной молитвы; но только одинъ онъ можетъ вывести душу изъ рабства грѣху, внутренняго безсилія—къ свободѣ и свѣту. Блаженны, — сто кратъ блаженны тѣ, кто съ начала жизни идетъ путемъ

Заповѣдей Божіихъ, ихъ души не коснется подобная мука. На другой день послѣ Причастія я подошла ко Кресту. Пристально взглядѣлся въ меня Батюшка, мнѣ одной далъ три раза поцѣловать крестъ съ какимъ-то особенно проникновеннымъ взоромъ. „Хорошо теперь тебѣ, голубушка моя. Ну вотъ и береги теперь душу свою“. Я получила такое впечатлѣніе тогда, будто онъ какою-то печатью на меня наложилъ, и что много крестовъ придется поднять по его благословенію. Такъ воистину и случилось. Князь міра сего за временное пользованіе *его* благами беретъ % Шейлока. Дешево не откупишься! Либо ему служи—либо расплачивайся. Я сознательно предпочла расплатиться, и не прошло и года, какъ будто изъ рога изобилія посыпались на меня всевозможныя бѣдствія.

Умеръ внезапно мужъ, съ его смертью утратилось все внѣшнее благополучіе, исчезли мнимые друзья, на биржѣ, благодаря крушенію дѣлъ Алчевскаго, лопнуло большое состояніе, дѣла запутались въ такой мѣрѣ, что послѣ роскошной жизни стало грозить нищенское существованіе. Учебныя годы подроставшихъ дѣтей совпали съ годами революціоннаго движенія и были чреваты крупными недоразумѣніями и даже опасностью для ихъ жизни, и наконецъ стряслось самое величайшее горе—погибъ сынъ мой, юноша 19 лѣтъ, въ страшномъ Цусимскомъ бою, и я цѣлый годъ не могла узнать объ его участи.

Избалованная комфортомъ жизни, едва окрѣпшая отъ перенесенной болѣзни, во всемъ неопытная,—кто бы могъ повѣрить, изъ прежде меня знавшихъ, какъ стойко, мужественно перенесла я всѣ эти невзгоды сама, и отъ всего защитила,—всецѣло на моемъ попеченіи оставшихся, дѣтей. Съ Богомъ все возможно, а дорогой отецъ Іоаннъ поддерживалъ, ободрялъ и укрѣплялъ меня все время силой своєю духа. Такъ, не задолго до смерти мужа, онъ настойчиво требовалъ, чтобы я купила имѣніе, даже и губернію самъ указалъ: „дольше проживешь и счастливѣе будешь“,—говорилъ онъ, и для большаго поощренія обѣщаль самъ приѣхать на новоселье. Всегда ему послушная, я вопреки всѣмъ видимымъ невозможностямъ, имѣніе купила, и только это и помогло намъ въ послѣдствіи выйти, сравнительно благополучно, изъ всѣхъ осложненій и бѣдствій и сохранить

здоровье тѣлесное и душевное дѣтей. Исполнилъ онъ и обѣщаніе свое, пріѣхалъ освятить нашу покупку, и его благословеніе принесло плоды воистину чудесныя, не только мнѣ лично, но храму нашему, округѣ всей.

По мѣрѣ того, какъ расширялось мое внутреннее духовное благосостояніе, крѣпла и кристаллизовалась моя душа, все внѣшнее, матеріальное суживалось; иногда мнѣ казалось, что міръ меня вытѣсняетъ, выбрасываетъ изъ своей среды, ужъ очень все сѣзилось вокругъ меня. Внутренняя свобода еще не наступила, но путь къ ней уже опредѣлялся.

Вскорѣ послѣ моего возрожденія и знакомства съ Батюшкой, еще задолго до смерти мужа, какъ-то неожиданно для меня самой, воскресла въ памяти фигура немощнаго священника изъ Т. „Вотъ бы свестъ его съ Батюшкой, пришло мнѣ на умъ, авось и его исцѣлитъ Господь за праведныя молитвы своего слуги. Можетъ, только для этого и скрестились на мгновенье пути наши“. Мысли эти все чаще и неотступнѣе меня преслѣдовали, и я наконецъ рѣшила написать безъ всякихъ обиняковъ. „Вы свѣтъ міра и соль земли,— писала я, а какъ-то свѣтите вы? Въ какой соблазнъ вводите паству вашу, оскорбляя Бога, пренебрегая интересами вѣрннаго вамъ стада;—пріѣзжайте непременно, довѣрьте вашу немощную душу Батюшкѣ о. Іоанну, за его молитвы—исцѣлѣте“. „Не могу обращаться къ другимъ въ дѣлѣ, гдѣ самъ себѣ помочь долженъ“, отвѣтилъ онъ.

— Но я не унималась; внутренній голосъ убѣждалъ меня настаивать, и я снова написала и назначила даже день пріѣзда, обѣщая, что служить онъ будетъ совмѣстно съ Батюшкой, котораго уже просила усердно молиться о погибающей его душѣ. И когда наступилъ день мною назначенный для его пріѣзда, я впала въ безграничное волненіе. Конечно мнѣ не приходила въ голову мысль, какъ много беру я на себя въ стремленіи спасти другихъ, сама еще едва окрѣпшая; не знала я тогда, какъ метить врагъ за подобные подвиги, да оно и лучше, что не знала, не удалось бы тогда, быть можетъ, это святое дѣло до конца довести.

Много лѣтъ спустя, имѣя уже духовный опытъ, я оцѣнила мудрый совѣтъ одного старика Іеромонаха: „Не дразните врага, совѣтывалъ онъ, лучше пусть поменьше онъ васъ

замѣчаетъ; не выдержать вамъ борьбы съ нимъ, не только добраго поступка, и молитвы-то горячей онъ не прощаетъ“. Воистину правду говорилъ монахъ этотъ и если, при помощи Божіей, и приходится что-либо брать на себя, то уже сознательно и заранее надо готовиться къ его мести. Но тогда я шла на проломъ, вѣряя себя защитѣ Бога.

Прошло все утро въ ожиданіи тщетномъ, и я разочарованная ушла изъ дома по дѣламъ. Каковъ же былъ мой восторгъ, когда по возвращеніи узнала отъ швейцара, что пріѣзжій священникъ меня ждетъ. На крыльяхъ радости влетѣла я въ квартиру.

На встрѣчу мнѣ поднялась знакомая фигура о. Сергія, но до того зловѣщая, мрачная, что отъ страха сжалось сердце мое.

„Ну вотъ я пріѣхалъ, самъ не знаю зачѣмъ, началъ онъ, не здороваясь и не благословляя“.

— „Ну и слава Богу, воскликнула я, сейчасъ поѣдемъ разыскивать о. Іоанна“.

„Да пѣтъ, не надо, перебилъ онъ меня, чего спѣшить, можетъ и не стоитъ никого тревожить, и такъ обойдется дѣло. А все же страшныя вещи случились съ тѣхъ поръ, какъ получилъ я ваше письмо. Прежде всего, то была первая ночь за 25 лѣтъ, что я заснулъ и не просыпался, а то, и не повѣрите, какая мука. Проснешься съ 2-хъ ночи и тянетъ пить, а я ужъ какъ не грѣшнень, а пьяный не служилъ, не оскорблялъ хоть этимъ Бога. Бывало, едва ужъ и службу дотягиваю, и начинаю-то что не есть раньше, либо за себя найму,—а пьяный никогда не служилъ,—а тутъ, да утромъ трезвый всталъ, прямо самому себѣ на удивленье. А затѣмъ думаю. Какъ же ѣхать, денегъ нѣтъ даже ни копѣйки лишней. Взмолилась тутъ жена, говорить: „достанемъ!“ Нѣтъ, говорю,—въ долги не полѣзу, а самъ радъ, что помѣха пошла; да вдругъ, откуда не возьмись, пришли женѣ деньги послѣ покойнаго Митрополита Московскаго 200 р.; онъ ей былъ родственникъ, отговорки и нѣтъ. Смотрю, на счастье, полая помѣха. Юбилей 200-лѣтній городъ справляетъ, меня архіерея, какъ заслуженнаго протоіерея, назначилъ въ сослуженіе—вотъ думаю и не пустякъ,—опять слава Богу! А все же для очистки совѣсти пошелъ проситься. „Хочу моль въ Кронштадтъ ѣхать, такого-то числа служить буду съ о. Іоан-“

номъ“,—а самъ внутри себя посмѣиваюсь: „какъ же, пустить тебя!“ А архіерей-то былъ почитателемъ Батюшки. А тутъ ужъ и послѣднее чудо совершилось. „Такого счастья васъ грѣхъ лишать, сказалъ онъ, поѣзжайте съ Богомъ, да за меня грѣшнаго вмѣстѣ съ нимъ помолитесь“. Меня обыкновенно всегда провожаютъ, одинъ я ѣздить не могу, непременно напьюсь, ну и берегли отъ сраму-то, а тутъ некому было провожать, да и дорога стала-бы въ два дорога, вотъ и пустили меня на волю Божию—и что жъ, доѣхалъ, хоть бы единую за дорогу-то выпилъ, но ужъ дольше пожалуй не стерпѣть. Я вѣдь пью много“,—понизилъ онъ голосъ до шопота, и лицо его стало ужаснымъ—„миѣ вѣдь и бочки мало!“

Я почувствовала, какъ дрожь меня всю охватила; „Тогда помнишь, ты-то была, сказали больной—пьяный былъ, замертво пьяный, а не больной; а напьюсь—не помню, что и дѣлаю;—низко я, очень низко палъ!“

„Да знаешь ли,—вскрикнулъ онъ вдругъ, до боли сжимая миѣ руку, и глаза его точно кровью налились,—случалось и заболѣть, чувствую, что околѣваю, ну и что жъ? за попомъ что-ли посылатъ, надъ Богомъ смѣяться; каяться, чтобы завтра сызнова начать, нѣтъ думаешь,—собакъ собачья и смерть“. Больше я ужъ не въ силахъ была выдерживать этой страшной исповѣди, мою всю внутренность трясло, зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ, и я не могла глядѣть больше въ его, сразу какъ бы охмѣлѣвшее, ужасное лицо.

„Вдѣньте скорѣе, Богъ поможетъ, я вѣрю, вѣрю, вѣрю“—твердила я въ какомъ-то изступленіи и больше всего боялась, что бы какъ-нибудь онъ не отвергълся.

Былъ ноябрь, на улицѣ гололедка, ни въ саняхъ ни на колесахъ, пронзительный холодный вѣтеръ продувалъ насквозь. Въ легкой кофточкѣ, почти замерзая, я о себѣ перестала думать, лишь бы удалось его сдать попеченію родного Батюшки, лишь бы до него дотащить. О. Сергій сидѣлъ и упорно молчалъ, изрѣдка вздыхалъ и что-то бормоча „Господи! сподоби узрѣть достойнаго слугу Твоего“—удалось миѣ разъ услышать. Молилась я внутренно горячо и пламенно. На пристани намъ сказали, что по случаю вѣтра и непогоды о. Юаннъ поѣдетъ на Ораіенбаумъ.

По пріѣздѣ на вокзалъ, я взяла билетъ для о. Сергія и

имѣя крайнюю необходимость вернуться домой въ интересахъ дѣтей, а главное и себя, чувствуя отъ холода и волненія совѣсть изнемогшей, я, тѣмъ не менѣе, страшно боялась, что въ послѣднюю минуту убѣжить мой протоіерей, и весь мой трудъ пропадетъ даромъ. Подвела я его къ стоявшему на платформѣ образу и сказала: „клянитесь мнѣ высокимъ достоинствомъ священника, что вы не убѣжите, что дождетесь Батюшку, иначе я останусь, рискуя, совѣсть заболѣть“. „Даю вамъ страшную клятву предъ лицомъ Бога, что не уйду; я уже поборолъ въ себѣ желаніе бѣжать, ступайте съ миромъ“, сказалъ онъ твердо и покойно. Прошло цѣлыхъ томительныхъ три дня, волненіе мое возрастало, мнѣ все мерещилось: либо онъ умеръ, либо убѣжалъ, не взирая на клятву.

Наконецъ, на третій день вечеромъ, раздался звонокъ, мое сердце затрепетало, и я, опередивъ прислугу, бросилась къ входной двери, у ней стоялъ весь сіяющій, лучезарный о. Сергій. Истоиво помолившись на образъ, благословивъ меня, онъ глубоко посмотрѣлъ мнѣ молча въ глаза: „если бы я не былъ священникъ и протоіерей, поклонился бы я тебѣ въ поги и цѣловалъ бы ихъ за то, что ты для меня сдѣлала“... дорогіе, святыя слова эти сохраняю я въ сердцѣ моемъ уповаю, что за его благодарныя молитвы и меня Господь помянетъ въ часъ моей смерти.

И рассказалъ онъ мнѣ, какъ ѣхалъ съ Батюшкой въ купѣ, какъ тотъ вспомнилъ, что уже о немъ молился. Картина отбытія поѣзда, толпа бѣгущихъ сзади людей, бросаніе записокъ съ мольбой „помолитесь“,—все это уже съ самаго пачала поразило своей необычайностью впечатлѣніе его; онъ сразу понялъ и взвѣсилъ, какую силу имѣетъ истинный священникъ Господа Бога и какимъ онъ долженъ быть.

Отецъ Іоаннъ молчалъ. Молился или дремалъ; на пароходѣ онъ неожиданно взялъ о. Сергія за руку и повелъ его къ носу парохода. Публика попряталась въ каютахъ, т. к. необычайной силы вѣтеръ бушевалъ и грозилъ сбросить въ море смѣльчака, который бы рѣшился съ нимъ побороться. Палуба была пуста. Отецъ Сергій, ухватившись за протянутый канатъ и нахлобучивъ шапку, едва пробирался за Батюшкой, который шелъ впереди свободно безъ шапки, съ развѣвавшими волосами съ распахнутой шубой. „Ну вотъ, отецъ протоіерей,—сказалъ онъ, останавливаясь,—Богъ, очистительная

стихія и я,—мы слушаемъ тебя“. И упалъ къ его ногамъ бѣдный грѣшникъ, имѣя только одно желаніе въ сердцѣ— умереть у ногъ его. И припомнилось мнѣ, слушая его, какъ когда-то, по странному совпаденію, и онъ мнѣ сказалъ тѣ же слова: „Богъ, мать ваша и я—мы васъ слушаемъ“; думалъ ли и онъ въ свою очередь услышать тѣ же слова — къ нему обращенныя. Случайное ли это явленіе или звенья неразрывной цѣпи, объединяющей всѣхъ грѣшниковъ предъ Лицомъ Бога, на какой бы ступени общественной лѣстницы оно не стояло, какого бы званія не былъ,—предъ Богомъ— всѣ равны. Всякій несетъ и тяжесть Креста и тяжесть грѣха своего предъ Богомъ и только отъ Его нелицеприятнаго суда и приметъ свой приговоръ. Вскорѣ послѣ этого событія о. Сергій заболѣлъ гнойнымъ плевритомъ, и случилось, что въ это самое время проѣзжалъ о. Іоаннъ городъ Т. ко мнѣ въ имѣніе; я просила его усердно навѣстить болящаго и вдвоемъ съ владыкой они исполнили мою просьбу, и оба на колѣнахъ у его постели молились о его спасеніи.

„Болѣзнь твоя очистительная, сказалъ батюшка; ею Господь и немощь всю твою очиститъ“. И всталъ о. Сергій послѣ болѣзни духовно здоровымъ, прожилъ послѣ того еще 10 лѣтъ, возрастая и укрѣпляясь духомъ, и умеръ горячо оплаканный безгранично его любившими приходомъ и семьей.

Почти одновременно съ описаннымъ случаемъ пришлось мнѣ по Волѣ Божіей пережить еще болѣе знаменательное событіе. Жилъ тогда въ Петроградѣ старинный знакомый матери моей сенаторъ С., очень богатый, но алекдотически скупой старикъ. Поддерживая давнія отношенія, я его иногда навѣщала, унося всегда слѣдъ чего-то холоднаго, жуткаго отъ его обстановки стараго скряги. Давно не видѣвши его, я почему-то о немъ вспомнила и захотѣла его навѣстить. На выраженное имъ удивленіе, что я до неузнаваемости поздоровѣла и помолодѣла, я ему рассказала о своемъ знакомствѣ съ о. Іоанномъ и моему чудесному воскресеніи изъ мертвыхъ и сама для себя неожиданно добавила: „Вотъ вамъ бы Батюшкѣ помочь въ его постройкѣ монастыря на Карповкѣ, вотъ ужъ дешево бы душу спасли за его святое предъ Богомъ предстательство. Хотѣли же своему дворянству пожертвовать 100 тыс. ради славы собственнаго имени, а что толку, не только дворянство, да и наслѣдники-то пожалуй

не вспомнить васъ, а ужъ Батюшка не забудетъ о васъ въ вѣчности“.

На мое предложеніе, онъ, къ великому моему удивленію, даже не запротестовалъ, а сказалъ: „что жъ—надо подумать“ и вечеромъ того же дня, нигдѣ не бывая, никуда почти не выѣзжая, пріѣхалъ ко мнѣ, самъ затронулъ поднятый вопросъ, и вся бесѣда его, вмѣсто обычно ироническаго, брызжащаго или насмѣшливаго тона, носила характеръ чуть не исповѣди. Коснулся онъ и личной жизни, и своихъ колебаній въ вѣрѣ, своего смущенія предъ фактами казавшимися ему вопіющими по несправедливости, и отсутствію логики въ случаяхъ, когда лучшіе люди караются Богомъ, а мошенники торжествуютъ, и много въ томъ же духѣ, на что я тогда и сама, еще духовно малограмотная, не могла дать ему разъясненій, а только чувствовала и понимала, что его душа, закоренѣлая въ эгоизмъ и сребролюбіи, какъ бы предъ чѣмъ-то дрогнула.

На другой день въ Леушинскомъ Подворьѣ служилъ о. Іоаннъ и я, всегда посѣщавшая эти службы, сообщила ему, что имѣю добраго знакомаго очень богатаго, и надѣюсь, что онъ приметъ участіе въ постройкѣ интересовавшей Батюшку обители. „Я объ этомъ знаю, отвѣтилъ Батюшка, и напишу письмо, а ты лично свези ему“.

Письмо это, мнѣ врученное, показалось до того страннаго и таинственнаго смысла, что какое-то зловѣщее предчувствіе вошло мнѣ въ сердце, но я немедленно же поѣхала и вручила его адресату. Въ началѣ это неожиданное посланіе казалось и не удивило и не смущало С., но на другой день я уже застала его въ иномъ настроеніи и раздраженію его противъ меня не было границъ.

„Что вы надѣлали, кричалъ онъ, вѣдь не попъ же это простой; вѣдь это Іоаннъ Кронштадтскій, съ этимъ вѣдь считаться надо“.

„Ну и слава Богу—радуйтесь такой чести; страшно слушать, что вы колеблетесь, за горло васъ не берутъ, суммы не назначаютъ. Дайте сколько можете—ну 10-ть, пять, одну—или хоть просто позовите его, помолитесь съ нимъ, тогда и уясните что вамъ дѣлать“. Но ничто не помогало, и меня онъ едва не вытолкнулъ изъ квартиры, грозя, что наследники его меня отравятъ, когда узнаютъ, что я подъ ихъ наследство подкапываюсь.

Дня черезъ два я снова встрѣтила Батюшку и, увидавъ меня, онъ уже самъ спросилъ: „ну, а что твой С., колеблется? скажи ему, что *мнѣ* денегъ-то его не нужно, а вотъ о душѣ своей ему подумать время настало; „пора молъ, время о душѣ подумать“;—такъ и скажи, да и не замедли“. Съ тяжелымъ сердцемъ, едва передвигая ноги, входила я въ знакомую переднюю. Легко ли было такое порученіе исполнить—видѣлъ Богъ, и дѣйствительно мнѣ казалось, что я въ адъ попала.

Лакей, отворившій мнѣ дверь, смотрѣлъ на меня съ ненавистью; обогащаясь на счетъ своего барина, онъ боялся посторонняго вліянія, а самъ хозяинъ впалъ въ неистовство.

„Вашъ о. Іоаннъ думаетъ, что моя душа погибнетъ, если я ему денегъ не дамъ,—пусть же погибнетъ, не дамъ, ничего не дамъ; вонъ ступайте“—кричалъ онъ внѣ себя.

„Не знаю и не смѣю знать, что думаетъ о. Іоаннъ, но я лично отрясаю прахъ отъ ногъ своихъ, предоставляю васъ самому себѣ“—отвѣтила я покойно, и дѣйствительно при этихъ словахъ отрясла подолъ своего платья, „а вы.... предстанете на судъ Божій, облѣпленный вашими купонами, тогда быть можетъ и пожалѣете, да раскаяніе-то будетъ бесполезнымъ уже. Прощайте“. Ушла я съ твердой рѣшимостью больше не возвращаться и объ этомъ категорически объявить Батюшкѣ. Это была среда, а въ пятницу снова назначена была служба о. Іоанна въ Леушинскомъ. Пошла и я къ обѣднѣ. Ровно недѣля прошла съ того дня, какъ впервые я говорила съ С. объ о. Іоаннѣ. Послѣ службы, въ игуменской я увидѣла Батюшку за письменнымъ столомъ, онъ что-то писалъ. Я подошла къ нему, стала около него на колѣни и передала ему свое впечатлѣніе объ С. и свое рѣшеніе больше его не посѣщать. „Я прямо настрадаюсь, дорогой Батюшка, за эту недѣлю, больная стала, не могу больше!“ Батюшка взглянулъ на меня какимъ-то особеннымъ взглядомъ, который въ рѣдкія минуты мнѣ удавалось наблюдать у него, —какой-то, если можно выразиться,—потусторонній взглядъ.

Зрачки исчезали и точно голубое небо смотрѣло изъ глазъ, казалось, что и Батюшка исчезалъ, и только одинъ этотъ взглядъ оставался.

„Милая моя, сказалъ онъ, глядя на меня этимъ взглядомъ, да и не нужно больше; уже поздно“,—и, снова наклонившись, продолжалъ писать. Меня ошпарили слова эти, и я пря-

мо изъ подворья помчалась къ С., влекомая неудержимой силой.

„Сейчасъ будетъ первая панихида, объявилъ отворившій слуга, два часа назадъ скончались“. Не знаю, какъ не лишилась я чувства при этомъ ошеломившемъ меня извѣстїи. Жуткимъ холодомъ повѣяло на меня отъ всей обстановки представшей моему взору. Одинокій скряга, всѣмъ чужой, ненужный лежалъ на столѣ; съѣхавшіеся наслѣдники, счастливые получить въ свои руки его милліоны, горсточка прїятелей, на-скоро оповѣщенныхъ, болѣе любопытства ради прибывшихъ; нѣсколько сослуживцевъ, довольныхъ, что вотъ моль—умеръ, а они еще живы; да лакей, на рукахъ котораго такимъ одинокимъ, безпомощнымъ умеръ этотъ богачъ... вся эта картина до того поразила мое воображеніе, что я залилась слезами горькими, прося у Бога милосердія для этой несчастной, грѣшной души. Впослѣдствїи я узнала, что въ среду, тотчасъ послѣ моего ухода, С. позвалъ лакея и волнуясь ему сказалъ. „А вѣдь не хорошо, надобы дать“, но не окончивъ слова вскрикнулъ: „скорѣе Казанскую“, и упалъ, лишившись рѣчи и движенія, пораженный ударомъ. Два дня сознаніе его не покидало, и онъ силился сказать два слова: „Боже и привези“ и въ пятницу утромъ скончался, такъ и не понятый окружавшими его.

Я положительно заболѣла отъ пережитаго впечатлѣнія. Вечеромъ и ночью мнѣ все мерещилось, что кто-то около меня вздыхаетъ, я чувствовала чье-то постоянное присутствіе около себя и просила Батюшку ко мнѣ прїѣхать. На выраженное мною опасеніе, что я своими рѣчами убила С., что я виновница его смерти, о. Іоаннъ меня побранилъ: „Кто же ты, чтобы имѣть власть сократить, или продлить чью-либо жизнь, это власть Бога, — а ты несомнѣнно подняла всю муть съ души его и кто знаетъ,—можетъ этимъ спасла его отъ вѣчной муки; три дня огромнаго страданія и внутренняго, быть можетъ, покаянія, могли многое искупить. Молись о немъ,—это твой долгъ“.

Съ того времени образъ С. пересталъ меня тревожить. Трудно вспомнить, еще труднѣе описать, всѣ случаи, свидѣтельствовать могушіе о силѣ Благодати, таинственно почиавшей на о. Іоаннѣ, о его проницательности, имъ несознанной въ немъ, какъ бы магинальной, въ случаяхъ когда въ

ней нуждались люди, но не тогда, когда ему приходилось ограждать себя. Однажды, глубоко негодуя на лицемѣріе нѣкоторыхъ ему столь близкихъ людей, я имѣла дерзновеніе его упрекнуть въ отсутствіи прозорливости.

„Бога благодарю, что не прозорливъ я, а то пересталъ бы людямъ вѣрить и не оправдался бы предъ Богомъ,—каждый вѣдь за себя отвѣтитъ Господу“—сказалъ онъ мнѣ. А между тѣмъ, сколько же разъ пришлось мнѣ же самой поражаться этой его прозорливостью. Такъ у меня въ имѣніи, благословляя народъ, онъ рѣзко оттолкнулъ женщину и ея сына, не благословилъ моего пастуха,—и впослѣдствіи обнаружилось, что эта женщина и вся ея семья занималась поджогами, но не будучи до времени уличенной, продолжала благоденствовать, но тутъ же вскорѣ была приговорена къ ссылкѣ; а пастухъ и самъ потомъ всенародно покаялся, понявъ, за что былъ лишенъ благословенія. На мѣстнаго священника личность о. Іоанна произвела такое потрясательное впечатлѣніе, что онъ сознавалъ себя по сравненіи съ нимъ недостойнѣйшимъ слугой Господа, заболѣлъ душевной болѣзью, которая и очистила его предъ смертью отъ многого порочнаго и грѣховнаго.

Еще на моей памяти, хотя и безъ личнаго моего участія, въ Петроградѣ былъ случай, рассказанный мнѣ братомъ моего мужа, съ его пріятелемъ, нѣкіемъ А., крупнымъ извѣстнымъ комерсантомъ. Однажды лѣтомъ, въ отсутствіи семьи, у этого господина А. пошла носомъ кровь и въ теченіи сутокъ, несмотря на принятые мѣры, не прекращалась. Созванный консилиумъ докторовъ призналъ неизбежнымъ очень серьезную операцію, могущую имѣть печальный исходъ.

Трое сутокъ кровь не унималась, больной изнемогъ и далъ согласіе на операцію. Наканунѣ этого дня пріѣхалъ управляющій господина А.—человѣкъ глубоко вѣрующій и преданный хозяину. „Позвольте съѣздить къ о. Іоанну, доверьтесь его молитвамъ“,—молили онъ своего довѣрителя.

„Ступай, куда хочешь“,—отвѣтилъ больной, человѣкъ совсѣмъ индифферентный къ религіи.

На другой день, въ часъ, назначенный для операціи, съѣхались врачи, надѣли фартуки, разложили цѣлый арсеналъ инструментовъ и подняли больного, чтобы его омыть

предъ операцией. Кровь лила неудержимо. Поддерживаемый съ двухъ сторонъ врачами, больной стоялъ около умывальника, когда въ комнату быстро вошелъ управляющій съ радостнымъ лицомъ: „Я лично видѣлъ Батюшку,—поспѣшно сказалъ онъ, шлетъ свое благословеніе, сказалъ, что у Бога милости много, безъ операціи обойдетесь“. Его слова остались безъ отвѣта, какъ ничего не стоящія и никому не интересныя; врядъ ли кто и слушалъ ихъ, кромѣ глубоко заинтересованнаго исходомъ дѣла, брата моего мужа.

„Мнѣ какъ-то жутко стало, я жалѣлъ, что этотъ управляющій ихъ произнесъ, говорилъ мнѣ онъ, я предвидѣлъ, что они станутъ предлогомъ для насмѣшекъ“,—какъ вдругъ больной, подергавъ носомъ, сказалъ: „Г. профессоръ, кровь какъ будто перестала итти“.

„Этого не можетъ быть, временная закупорка“,—отвѣтили тотъ самоувѣренно,—„пойдетъ снова“.

Но кровь не шла, и доктора, прождавъ около часу, разѣхались, оставивъ ассистента и отложивъ операцію до другого дня. Но въ ней нужды не оказалось,—кровотеченіе не возобновлялось.

Прошло болѣе полугода, но А. не забылъ происшедшаго и, побуждаемый управляющимъ, рѣшилъ ѣхать въ Кронштадтъ повидать лично, дотолѣ никогда имъ не виданнаго Батюшку и Его поблагодарить. Приѣхавъ онъ къ обѣднѣ, отстоялъ и молебень и затѣмъ, подходя къ кресту, хотѣлъ было выразить свою благодарность, какъ вдругъ самъ Батюшка, предупреждая его, сказалъ:

— „Ну что же, кровь-то по милости Божіей вѣдь остановилась? обошлись и безъ операціи?“

Громъ безъ тучи не ошеломилъ бы такъ его, какъ эти слова, сказанныя ему человѣкомъ, котораго онъ впервые видѣлъ.

— „Это совсѣмъ удивительный человѣкъ, этотъ Кронштадтскій Батюшка“—разсказывалъ онъ впослѣдствіи о своемъ впечатлѣніи и его невѣріе значительно поколебалось. И сколько бы благодарныхъ, вѣчно помнящихъ Батюшку людей могли бы подтвердить, насколько воистину онъ былъ человѣкъ удивительный.

Черезъ полтора года, послѣ моей первой встрѣчи съ Батюшкой, я вернулась изъ имѣнія въ Петроградъ, куда и

мужъ мой долженъ былъ вскорѣ пріѣхать изъ города Ч., гдѣ онъ служилъ; устраиваясь на новой квартирѣ, я ждала пріѣзда мужа, чтобы пригласить Батюшку освятить наше жилище. Знавшіе дѣятельность о. Іоанна помнятъ, какъ трудно было и вообще-то добиться его пріѣзда, но чтобы это могло быть неожиданнымъ, случайнымъ, нежданымъ, казалось и во снѣ бы не приснилось. Была суббота, всѣ дѣти собрались домой изъ учебныхъ заведеній, зашелъ случайно съ женой и сыномъ братъ мужа; ничто казалось не предвѣщало удара изъ безоблачнаго неба, когда была подана срочная телеграмма, извѣщавшая о внезапной и безнадёжной болѣзни мужа. Съ нимъ случился ударъ, мое присутствіе требовалось немедленно. Трудно описать растерянность, подавленность всей семьи; зловѣщее молчаніе сразу воцарилось, мы еще не опомнились отъ неожиданнаго потрясенія, когда раздался въ передней звонокъ и вошелъ отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, и это въ субботу, въ часъ всеобщей, нежданно и негаданно!

„Узналъ, что ты пріѣхала, ѣхалъ мимо...“—раздался его дорогой ласковый голосъ. Боже мой! не сонъ ли это? Черезъ минуту я уже была у ногъ его; спасительныя, облегчающія душу слезы лились изъ глазъ, когда я подавала ему только что полученную телеграмму. „Успокойся! вотъ и я съ тобой въ твоей скорби; будемъ молиться“. И въ спальнѣ моей, предъ образами, окруженный такъ случайно собравшейся во всемъ своемъ составѣ семьей мужа, горячо молился Отецъ Іоаннъ о болящемъ страдальцѣ, одиноко умиравшемъ за тысячу верстъ отъ семьи. Какъ бы отходную прочелъ ему въ молитвѣ своей, столь нами всѣми чтимый, обожаемый Батюшка, и вѣрю я облегченію моему бѣдному мужу въ страшную минуту исхода его души. „Молитва Батюшки замѣнила отцу исповѣдь и причастіе“,—сказалъ мой второй сынъ морякъ, и по странному совпаденію въ свою очередь получилъ ту же милость отъ Бога; ибо въ день и часъ его гибели въ Цусимскомъ бою и о немъ молился Батюшка, и ему, вѣроятно также облегчилъ страшный часъ его смерти. „Не проси для него жизни, сказалъ мнѣ Батюшка, а благой и промыслительной о немъ Воли Божіей“.

Теперь и я уже своимъ опытомъ знаю, что не слѣдуетъ своей воли и своего желанія противопоставлять Промыслу

Божію. Этого самаго сына и выпросила я у Бога своей материнской скорбью, когда послѣ приговора врачей обратилась телеграфно къ о. Іоанну съ мольбой о его спасеніи. Тогда онъ былъ спасенъ, а для чего? чтобы спустя 15 л., пройдя черезъ горнило учебной страды и много другихъ страданій дѣтской души, въ расцвѣтъ силъ и жизни, умереть самой страшной смертью, выпавшей на долю броненосца Наваринъ.

Трудно, конечно, не понять и не повѣрить, читая эти воспоминанія, какъ безпредѣльно дорога, священна, для всей семьи нашей память Отца Іоанна Кронштадскаго, этого свѣтлаго, добраго генія скорбящихъ, безнадежныхъ и унывающихъ. Сколько же людей и семей, подобно нашей, хранить въ благодарномъ сердцѣ своемъ его лучезарный образъ, и какой мучительной болью отзываются эти сердца всякій разъ, когда это священное имя обливается грязью, помоями безосновательно, бездоказательно, неизвѣстно даже какой цѣли ради.

Какое страшное неуваженіе эти жалкіе люди проявляютъ къ чувствамъ народнымъ, какъ унижаютъ и позорятъ самихъ себя. Болѣе полувѣка имя отца Іоанна было популярно, уважаемо не только въ Россіи, но и за границей; прославился онъ своей глубокой вѣрой въ Бога, любовью къ страждущему народу, которому до конца остается вѣренъ, не ищя ни почести, ни славы. Его многотрудная, многострадальная жизнь протекала на глазахъ у всѣхъ, среди народа, вѣчной толпы за нимъ бѣгущей, его искавшей, въ суетѣ и суетоутокъ ея разнородныхъ интересовъ, не имѣя для себя мѣсяцами, годами, отдыха. Всюду несъ онъ помощь, утѣшеніе, отраду, отъ высокихъ вельможъ до послѣдняго нищаго — всѣ спѣшили къ нему и черпали изъ сокровищницы сердца его всякій по своей нуждѣ. Величайшій изъ величайшихъ людей былъ Отецъ Іоаннъ Кронштадскій, въ нѣмомъ удивленіи слѣдуетъ остановиться предъ выполненной имъ задачей жизни, и горе тѣмъ, кто, не умѣя этого понять, изъ маленькаго, злобнаго, пустого своего сердца несетъ ему хулу и поношеніе, кто смѣшивая его съ толпой его окружавшей, кто немощи, слабости, грѣхи этой толпы видитъ въ свѣтломъ лицѣ о. Іоанна. Всѣ великіе подвижники духа спасались въ пустынь — бѣжали отъ людей. Отецъ Іоаннъ былъ обреченъ никогда не имѣть часа отдыха и покоя.

Когда онъ былъ въ моемъ имѣніи, и мнѣ, въ силу чуда какого-то, удалось изолировать его отъ вѣчно и всюду за нимъ слѣдующихъ; и когда онъ могъ свободно читать, гулять и молиться одинъ въ теченіе трехъ дней, онъ выражалъ прямо дѣтскую радость и все благодарилъ и Бога и меня. „Да воздастъ тебѣ Господь за отдыхъ мой!“ Каждый, кто, какъ я, подходилъ къ нему только съ духовной стороны, обогащалъ душу свою цѣнными сокровищами его духа; но, къ сожалѣнію, большинство ему близкихъ, его окружавшихъ, эксплуатировали его безмѣрную доброту, мягкость чувствъ души его, не берегли, досаждали, обременяли и главное, давали поводъ злымъ людямъ оскорбить, повосить его имя; преслѣдуя свои мелкіе ничтожные интересы, сами они темными пятнами ложились на свѣтлую его личность, а онъ вѣрилъ и льстецамъ, и обманщикамъ, и хищникамъ, потому что, не имѣя въ сердцѣ своемъ коварства, лжи и зла, не подозрѣвалъ его и въ другихъ людяхъ, не могъ и не хотѣлъ подозрѣвать! Это общая участь свѣтлыхъ и чистыхъ людей!

Оканчивая свои воспоминанія о дорогомъ Батюшкѣ, я думаю, что священной обязанностью насъ всѣхъ, ему близкихъ, но не умѣвшихъ беречь и дорожить сокровищами его великой, любвеобильной души, насъ омрачавшихъ покой его, болѣвшаго за грѣшныхъ людей, сердца, утруждавшихъ его своими личными мелкими интересами, намъ слѣдуетъ, наконецъ, очистить священную память его отъ „нашей тѣни“. Не сумѣла я, быть можетъ, выполнить этой задачи, этой священной предъ нимъ обязанности, слаба моя рѣчь и перо; но Богъ, видящій намѣреніе, поможетъ мнѣ, и Самъ уже въ сердцахъ читающихъ эти строки доскажетъ недосказанное, освѣтитъ затемненное, а дорогой, незабвенный Батюшка Отецъ Іоаннъ, меня возродившій къ новой, сознательной жизни, свѣтившій мнѣ въ пути моемъ, помянетъ мое грѣшное имя предъ Господомъ и поможетъ до могилы нести крестъ моей жизни и исполнить по мѣрѣ слабыхъ силъ моихъ завѣты нашего Божественнаго Учителя, достойнымъ ученикомъ и послѣдователемъ Котораго Онъ самъ вѣистину былъ.

В. Верховцова.